

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ

4

НАШ СОВРЕМЕННИК
ШЕКСПИР

Корону за коня!» Здесь шекспировский текст очень удачно смешен режиссером спектакля Е. Д. Табачниковым, это подчеркивает мысль: коня Ричард требует, чтобы продолжить бой, потому что пешим биться в тех боях было нельзя. И эти последние слова несломленного злодея показывают страшную живучесть социального зла.

Духовная эволюция Ричарда, как ее рисует Самойлов, — не в раскаянии, а во все нара-

ВЛАДИМИР САМОЙЛОВ
В РОЛИ РИЧАРДА

(«КОРОЛЬ РИЧАРД III» ШЕКСПИРА)

Горьковский театр драмы поставил одну из интереснейших трагедий-хроник Шекспира «Король Ричард III». Из всех исторических хроник Шекспира — это первая настоящая трагедия с единством действия, с трагическим героям крупного плана — могучий характер с несокрушимой волей и неистощимой энергией в достижении преступных целей.

Ричард III, вероятно, не был преступнее всех других английских и европейских феодалов своего времени, но Шекспир сделал из него титаническую фигуру злодея по размаху своему достойной эпохи Возрождения.

Роль Ричарда III играет заслуженный артист РСФСР Владимир Самойлов, известный широкой публике как исполнитель роли хирурга Северцева в фильме «И снова утро» и роли секретаря обкома партии Денисова в фильме «Секретарь обкома».

Открывается занавес — зеленая земля сияет под лучами весеннего солнца. На ней странной кажется искривленная фигура по-солдатски грубо и просто одетого человека, с бледным лицом и темными растрепанными волосами. Резко искривленный силуэт в профиль выделяется на солнечном фоне. Герцог Глостер нежится на солнце, вдумчиво, с наслаждением ловит лучи руки. Он похож на кривой, но крепкий ствол дерева. Но вот он идет к рампе, волоча ногу, оказывается, у него сухая левая рука, и странно, в этом изуродованном человеке есть какая-то хищная грация и первая пластика. Ричард торжествует: «Прошла зима трехвоги нашей». Иорки победили. Но говорит он об этом глумливым, скрипучим голосом: он не забывает, что для него, уроды, нет простых человеческих радостей, еще раньше он мечтал «покончить с этой мукой, прорубив желанный путь кровавым топором». Он решает «злодеем стать».

Злорадное темное лицо с чеканными чертами (кстати, очень точно в гриме воспроизведен исторический портрет короля) озаряется красным светом, исчезает, как по взмаху волшебной палочки, золотая и зеленая земля, превращаясь в черную, лохматую тучу; небо меркнет, земля становится голой, обугленной, растрескавшейся, над ней мечется кровавое пламя костров. Слышен звон оружия, черная стража ведет в тюрьму герцога Кларенса, черные слуги несут покрытый черным бархатом гроб Генриха VI...

В следующих сценах, зловеще светятся окна замка-тюрьмы — Тоузра, нависают тюремные решетки, туча делается как бы негативом горностаев-

вой мантии, повисшей над троном кровавого короля. Мрак становится все гуще, и только в finale вновь светит бледное английское солнце, озаряя застывший на авансцене труп короля-злодея. Художественное оформление спектакля (художник — заслуженный деятель искусств РСФСР В. Я. Герасименко) звучит и развивается как музикальная тема.

На этом фоне, в насыщенной грязью недоброй и тревожной атмосфере герой трагедии живет как кровавый зигзаг молнии. Кривятся тонкие губы, слышится скрипучий смех, толчками, но мягко и стремительно движется сильное тело. Ядовитое остроумие, короткие властные приказы сверкают, как лезвие обнаженного меча.

Перед нами — активное беспрощальное зло, самоуверенное, деловитое, презирающее все нравственные ценности ради своих «далеко идущих целей». По Шекспиру следует, что эта цель — создание свирепой, железной средневековой монархии, где подавленные поданные трепещут перед своим властелином. В эпоху наступившего Возрождения — это реакционная утопия.

Однако самойловский Ричард скорее спортсмен, чем страстный властолюбец — его увлекает самый процесс борьбы за власть, тут он неукротим, абсолютно бесстрашен и способен на все, но, достигнув цели, он как-то меркнет, скучает, дальнейшие преступления совершая без вдохновения, по инерции. Оживляется он только тогда, когда ему грозит опасность. Тут он снова активен, нагл и самоуверен. Вельможе, известившему его об измене Бекингема и о приближении войск Ричмонда, он вполне естественно и весело бросает, что, пока они здесь болтают, можно было бы победить врага или умереть со словом (не одно ли и то же)?

Зловещий сон в палатке перед боем — это не раскаяние и не муки совести, как обычно дается на сцене по традиции еще со времен прекрасного актера Юрьева). У Самойлова это мрачное отчаяние игрока, который чувствует, что может проиграть. Его речь к войску перед боем — великолепный образец трубой и наглой военной демагогии — полностью характеризует цели Ричарда. Ричард в передаче Самойлова — храбр от природы, он всем, оружие в его грубых руках играет и искрится. На поле боя он весел, энергичен, бесстрашен и твердо верит в себя. В сцене гибели Ричарда актер отлично передает, что король-преступник не думает сдаваться, духовно он все еще сломлен. Он даже не хонжает, получив последний уздр, что убит и, зажимая рану, кричит: «Коня! Коня!

стацией скуче и презрении к людям, в духовном окостенении, в утрате человеческого. Если вначале, отправляя на смерть Кларенса, соблазняя леди Анну, Ричард играет своим опасным и вкрадчивым красноречием, гордится своим превосходством над слабыми умом и волей людьми, злобно радуется и насмехается, то после он переходит к бесшабашной циничной злобе, к наглому самовластию, уже ничего не стесняясь и не притворяясь. И лицемерит он теперь уже по-иному. В этом отношении особенно характерна сцена молчания и притворного отказа от престола. Самойлов — Ричард поднимает глаза к небу, черты лица застыли и опустились, грустная улыбка — и слушающие, настороженные живые глаза, досадующие, чуть ли не жалеющие эту толпу дураков. Ричард сознает свое превосходство над окружающими и смеется над откровенным корыстолюбием и интриганством придворных.

Бурно и страстно умоляя Елизавету склониться к его предложению, Ричард, победив, сожалеюще и с досадой бросает ей вслед: «Податливая, ветреная баба!» Ни тени хвастовства или издевательства — деловому человеку просто жаль потраченного времени и досадно, как низки и ненадежны человеческие стремления.

С такой же прензительной скучкой он отстригает со своего пути умоляющую и проклинающую его мать. Но этот деловой цинизм в соединении с грубостью и коварством, с размашистым аморализмом — особенно опасен как оружие в руках политического авантюриста. Превосходство Ричарда над людьми превращается не в его превимущество, а в порок — эмоциональные акценты здесь очень точно расставлены.

Есть здесь отступления от авторской мысли? Безусловно. Шекспир — человек переходной эпохи — настаивает на суеверном смятении души злодея, для чего заставляет дефильтровать перед спящим в палатке на поле боя королем длинную вереницу убитых им людей. Горьковский театр отказывается от акцента на этом, убирает призраки — раскаяния нет, социальное зло живет, мертвый хватает живого.

Богатейший материал помог творческой индивидуальности талантливого артиста раскрыться по-новому. Титанические и в добре, и в зле фигуры эпохи Возрождения, встающие со страниц шекспировских трагедий, — вечный источник творческих побед современного советского театра.

А. АЛЕКСЕЕВА
НА СНИМКЕ: В. Самойлов
— Ричард III.
г. Горький.